

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ КНР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ И ЗАПАДНЫХ УЧЕНЫХ

А.Е. Мальцев

Возвышение Китая — это одна из ключевых тенденций в современной мировой политике. Новый Китай — это не только политический и экономический, но и интеллектуальный вызов. Сегодня роль и место КНР в международных отношениях является одной из наиболее популярных тем в международном дискурсе. Наряду с общими вопросами и проблемами блока «Китай в международных отношениях» активному изучению и переосмыслению подвергаются отдельные региональные направления внешней политики Пекина. С одной стороны, представление о целях и задачах внешнего курса государства дает возможность глубже подойти к анализу его региональных направлений. С другой стороны, комплексный подход к роли отдельно взятого региона во внешней политике страны дает возможность более точно определить ее место на международной арене. Это суждение справедливо и по отношению к Китаю. В условиях ускоренной трансформации китайской внешней политики фиксация тенденций на ее отдельных направлениях является важной и одновременно сложной задачей.

Одним из ключевых регионов для Китая является Центральная Азия. По многим причинам Пекин заинтересован в создании механизмов конструктивного взаимодействия с местными государствами. Распад СССР привел к независимости среднеазиатских республик. В результате Китай столкнулся с новыми государствами на своей северо-западной границе. Их границы были неурегулированными, а дестабилизация полити-

ческой ситуации в новых государствах Центральной Азии несла в себе потенциальную угрозу для Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. На начальном этапе китайцы были заинтересованы в стабилизации ситуации на западных окраинах, что предполагало борьбу с сепаратизмом и экстремизмом. Активизация талибов в Афганистане и исламистов в странах ЦАР в конце 90-х гг. перевела проблему в плоскость борьбы с терроризмом. В целях решения проблем безопасности в 2001 г. была создана Шанхайская организация сотрудничества — первая международная структура, образованная под эгидой Китая. Антитеррористическая операция США в Афганистане в том же году привела к новой расстановке сил в Центральной Азии. Регион окончательно вернулся в мировую политику, и Китай не мог игнорировать этот фактор. Рост террористической угрозы не был единственной причиной, по которой Центральная Азия привлекла интересы мировых и региональных держав. Регион богат природными ресурсами, в особенности углеводородами. В условиях ускоренного экономического развития КНР приходилось заботиться о проблемах энергетической безопасности, поэтому Центральная Азия представилась перспективным маршрутом диверсификации импорта топлива. Экономические интересы Китая в ЦАР не ограничивались энергетикой: было необходимо развивать западные районы, в первую очередь Синьцзян, который граничит с государствами региона. Таким образом, в течение 20 лет политика КНР в Центральной Азии претерпела значитель-

ную эволюцию: от решения проблем безопасности и пограничного урегулирования Китай перешел к полноценному экономическому взаимодействию и сейчас воспринимается в качестве одного из претендентов на лидерство в регионе.

Дискуссия о центральноазиатской политике Китая, разворачивающаяся среди политологов, является неотъемлемой частью спора о роли Китая в современной мировой политике в целом. Этот «большой» спор затрагивает многочисленные аспекты развития КНР, в частности социально-экономическую модель, особенности политической системы, традиции и инновации в процессе формирования внешнеполитического курса. Различные методы качественной оценки данных факторов ведут к существенной разнице в прогнозах относительно будущего Китая как субъекта системы международных отношений.

Роль Китая в мировой и региональной политике в течение последних нескольких лет существенно возросла, но дальнейшая стратегия Пекина не ясна и является предметом ожесточенных диспутов. В качестве предмета рефлексии со стороны научного сообщества можно видеть, в частности, возрастающий интерес к китацентричным проектам мироустройства, попытки найти ответы на вопросы о будущем китайской внешней политики в традиционных философских концепциях, стремление, как выражается В.А. Корсун, «поднять на щит абсолютно все элементы традиционного и исторического наследия»¹. Анализ реального положения вещей в Китае значительно осложняет слабая проницаемость китайского политического пространства и стремление руководства КПК всячески ограничить дискуссии в китайском обществе.

Серьезнейшим предметом спора на сегодняшний момент остается способность Пекина к проявлению лидерских амбиций в мире. Стоит отметить, что ученые по-разному оценивают степень

готовности внешнеполитического инструментария Китая к построению новой модели отношений с остальным миром. По мнению российского ученого С.Г. Лужина, в руководстве КНР уже сформировалось стратегическое видение основных задач, которые позволят государству усилить свое влияние в мировой политике. Среди этих задач основными эксперт называет «преодоление узкого регионализма» и «преодоление комплекса развивающегося государства»². Независимый китайский аналитик Бобо Ло также предсказывает становление Китая как глобальной державы, но при этом сомневается в том, что существующий внешнеполитический инструментарий и его идеологическое сопровождение пригодны для достижения новых целей. Специалист полагает, что руководство КПК сковано огромной инерцией и на самом деле нечетко представляет дальнейшие маршруты возвышения³. Уже упомянутый российский ученый А.И. Салицкий считает, что у Китая на самом деле глобальный проект, который он успешно реализует в течение последнего времени, — это создание многополярного мира⁴. Другой российский ученый, Т.А. Шаклеина, рассуждая о перспективах формирования нового миропорядка, заявляет о том, что Китай, хоть и выступает за полицентричный мир, но не подтверждает свою позицию реальными действиями⁵.

Сегодня существует большое количество мнений относительно того, каким будет новый Китай, какое место он будет занимать в системе международных отношений. Одним из эффективных способов изучения проблемы места и роли Китая в международном дискурсе автор считает подробное рассмотрение экспертных оценок отдельно взятого регионального направления политики этой страны. Такой подход позволяет рассмотреть основные проблемы моделирования и прогнозирования внешней политики Китая на конкретном примере.

Оценки интересов Китая и сущности его стратегии в отношении государств Центральной Азии

На сегодняшний день Китай представляется одним из ведущих акторов, взаимодействующим с государствами Центральной Азии. Китай играет все более значимую роль в мировой и региональной политике, а Центрально-Азиатский регион, как было отмечено выше, обретает стратегическую геополитическую и геоэкономическую значимость. В силу географической близости народы Китая и современного Центрально-Азиатского региона вступали в контакты с древних времен, что свидетельствует о наличии у них общего исторического наследия. Таким образом, перед научным сообществом открывается широкий материал для анализа и сопоставлений. Сегодня внимание исследователей привлекает вопрос о том, какие интересы КНР преследует в Центральной Азии. Все больше аналитиков пытаются понять, носит ли политика, проводимая Китаем в ЦАР, узкорегиональный, осторожный и сугубо утилитарный характер, или же является неотъемлемой частью формирующегося глобального проекта Пекина. В этой связи исключительно важно проследить основные подходы к целям и задачам китайской политики в Центральной Азии, сформированные в исследовательской литературе к началу второй декады XXI в. С точки зрения автора, необходимо прийти к пониманию того, каким образом те или иные ученые и эксперты подходят к анализу интересов Китая в ЦАР: ограничиваются ли они анализом современного положения вещей или исследуют проблему в широком историческом контексте; какое внимание уделяют факторам международной среды и т.д.

Китайская политика в Центральной Азии имеет несколько стратегических направлений: безопасность, торговля, энергетика, культурное сотрудничество. В процессе изучения этой политики не-

обходимо учитывать множество факторов, как внутренних, так и внешних, однако в первую очередь стоит зафиксировать наличие исторических условий, специфики, которая определяет базовые условия для взаимодействия Пекина и государств региона. Китай граничит с ЦАР на северо-западе. Пограничным для КНР регионом там является Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР). СУАР отличается от остальных регионов в первую очередь этническим составом — там преобладает тюркское население, этнически идентичное населению некоторых стран Центральной Азии. В Синьцзяне есть значительные по своему размеру уйгурские, казахские и узбекские общины. Исторически территория современного СУАРа составляла единое с Центральной Азией единое целое, которое в XVIII—XIX вв. было искусственно разорвано путем экспансии Российской и Цинской империй⁶. После распада СССР по вполне очевидным причинам встал вопрос о воссоединении исторических связей между регионом и Китаем. Проблемы налаживания диалога в новой геополитической реальности, возможно, были бы несколько другими, если бы Синьцзян был обычной провинцией КНР с преобладающим ханьским населением. Особый статус СУАР, который представляет собой «национальную районную автономию», характеризует особое место, которое этот регион занимает во внутренней политике Китая⁷. Геополитическое открытие Центральной Азии, которое по вполне понятным причинам было шоковым явлением для Китая, придало новый статус северо-западной границе государства. До 1991 г. с севера и северо-запада КНР граничил с одним и тем же государством, Советским Союзом. После его дезинтеграции Китай строил отношения уже с новыми государствами Центральной Азии.

Тема обеспечения безопасности была ключевой в процессе выстраивания взаимодействия Пекина с центрально-

азиатскими государствами в начале 90-х, не теряет актуальности она и сегодня. В экспертном сообществе существует различное понимание ключевых задач Китая в процессе обеспечения стабильности северо-западной границы.

Китайский политолог Чжао Хуашэн среди основных проблем безопасности Китая в ЦАР выделяет пограничную безопасность и борьбу с движением «Восточный Туркестан» (шире — с уйгурским сепаратизмом). Эксперт отмечает, что проблема установления благоприятных пограничных отношений между КНР и государствами Центральной Азии к середине 90-х гг. XX в. была в целом решена. По его словам, примерно с 1997 г. основной целью Китая в ЦАР с точки зрения обеспечения безопасности стала борьба с терроризмом. После террористических актов 11 сентября в США в эту же плоскость переходит и противостояние уйгурскому сепаратизму⁸. Несколько другую градацию проблем безопасности, с которыми КНР сталкивается в ЦАР, предложили узбекские аналитики В. Парамонов и О. Столповский. Они выделяют три основных фактора, представляющих потенциальную угрозу для Китая: фактор распада СССР, фактор нестабильности в Афганистане и фактор усиления военного присутствия США⁹. По мнению автора, остановиться необходимо на первых двух факторах. Не сложно определить, что проблемы, возникшие с распадом СССР, и по мере обострения ситуации в Афганистане несут для Китая схожую угрозу — дестабилизацию положения в Центральной Азии. С таким обобщением солидарен и американский аналитик Э. Фейгенбаум, называющий среди ключевых интересов Китая в ЦАР не просто обеспечение стабильности на границе, а способствование долгосрочной стабильности самих государств Центральной Азии¹⁰.

Если суммировать приведенные выше доводы и точки зрения исследователей, то можно предположить,

что проблема обеспечения интересов безопасности Китая в ЦАР носит комплексный характер. Сегодня все больше экспертов и аналитиков рассматривают проблемы Центральной Азии также с точки зрения системного подхода. В частности, шведский ученый Н. Сванстрём в одной из своих статей уделяет подробное внимание тому, как традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности переплетаются в Центральной Азии, и резюмирует, что достичь прогресса в борьбе с ними можно, только добившись стабилизации внутренней политики¹¹. Казахстанский политолог Е. Карин и вовсе считает, что главным вызовом для ЦАР на сегодняшний день является именно внутренняя нестабильность, а не проблемы терроризма и экстремизма¹². Сейчас становится очевидно, что рассматривать их только через призму сотрудничества Пекина с государствами ЦАР по вопросам стабильности границы, борьбы с уйгурским сепаратизмом недостаточно. Как отмечает китайский ученый Сюн Гуанкай, концепция национальной безопасности Китая подразумевает одинаково пристальное внимание как к традиционным (геополитическая напряженность, локальные войны), так и к нетрадиционным угрозам (финансовые кризисы, терроризм, экология)¹³. Таким образом, в долгосрочной перспективе Китай будет заинтересован в ликвидации базы для ведения террористической и экстремистской деятельности в Центральной Азии. В. Гусейнов констатирует, что такой «базой» в государствах ЦА являются имущественное расслоение, коррупция, диспропорции в региональном развитии¹⁴. В Пекине понимают, что только в стабильно развивающихся под руководством светских режимов странах ЦАР возможна ликвидация социально-экономических условий для роста радикализма. В тесной связи с интересами безопасности находятся китайские экономические интересы в ЦАР.

Экономические отношения Китая и стран Центральной Азии по вполне понятным причинам развивались в несколько этапов. Во-первых, как было отмечено ранее, государства ЦАР сразу же после распада СССР находились в состоянии турбулентности и не были готовы проводить скоординированную экономическую политику. Во-вторых, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая был полноценно включен в политику реформ и открытости только в 1992 г.¹⁵ К моменту фактического установления отношений с государствами Центральной Азии у Китая не было сформировано никакой экономической стратегии в данном регионе. Вместе с тем руководство КНР ясно осознавало необходимость развития СУАР, который был слабо интегрирован в экономику Китая. Чжао Хуашэн подчеркивает, что Синьцзян, в силу своей отдаленности от индустриальных центров, объективно нуждается в ускоренном развитии¹⁶. А.В. Бондаренко констатирует, в свою очередь, что экономический подъем СУАР необходим КНР как фактор интенсификации внутреннего развития, а также как необходимое условие для осуществления активной внешнеэкономической стратегии на северо-западном направлении¹⁷.

В исследовательском дискурсе достаточно подробно освещена тема значимости ЦАР с точки зрения внутреннего развития Китая и конкретных потребностей китайской экономики. Очевидна взаимодополняемость экономик, которую можно описать формулой «сырье в обмен на готовую продукцию». Нет сомнений в том, что подобный характер отношений представляет собой закономерное явление экономической жизни. Учитывая объективную отсталость Синьцзяна, легко прийти к выводу, почему Пекин заинтересован в привлечении ресурсов и потенциала территориально близкой к нему Центральной Азии. С чисто хозяйственной точки зрения очевидно, что та-

ким образом руководство Китая борется с дисбалансом, возникшим между приморскими и внутренними провинциями. В то же время гораздо более сложной проблемой представляется оценка геополитического значения китайской активности в регионе. Ограничивать задачи Китая в Центральной Азии поиском всевозможных ресурсов для социально-экономического развития значит существенно сужать ракурс проблемы, упрощать подход к его внешней политике. Сегодня различные эксперты пытаются найти обоснования того, какими, на их взгляд, являются истинные цели Пекина в регионе. Активному анализу подвергаются механизмы работы Шанхайской организации сотрудничества, интересы Китая в Центральной Азии сопоставляются с интересами других великих держав. Часть авторов обращается и к историческому наследию, пытаясь разглядеть в прошлом контуры будущего.

Модель взаимодействия, выстраиваемая Китаем со странами Центрально-Азиатского региона, вызывает серьезные дискуссии в экспертной среде. Как отмечает А.А. Казанцев, политика КНР в Центральной Азии в середине 90-х из стабилизационной стала постепенно трансформироваться в интеграционную¹⁸. Российский политолог А.А. Куртов предполагает, что одной из важных причин поворота государств Центральной Азии в сторону Китая также стал отказ России от затратной политики субсидирования «ближнего зарубежья»¹⁹. На этом фоне Китай представлялся наиболее приемлемой альтернативой. Особый масштаб эта политика приобрела во время мирового финансового кризиса, когда в Китае заявили о выделении им кредита по линии ШОС в размере 10 млрд долл.²⁰ Важно отметить, что Китай проводил схожую политику и в других регионах мира, в частности в Африке и Латинской Америке. С.Г. Лузянин констатирует, что Китай инвестирует, прежде всего, в сырьевой сектор центральноазиатских го-

сударств²¹. Одновременно с энергетическими проектами Пекин активно вкладывает в инфраструктуру региона. Активная инвестиционная политика, направленная на развитие Синьцзяна, предполагает использование транспортных коридоров, которые в долгосрочной перспективе помогут связать приморские провинции КНР с Европой. Нельзя недооценивать и геополитическую важность сети коммуникаций в Синьцзяне и Центральной Азии. Созданные под эгидой Китая проекты транспортного сообщения в ЦАР будут способствовать формированию инфраструктурной сети, которая даст ему возможность доступа к рынкам Южной Азии (Пакистана), Ближнего и Среднего Востока. В случае реализации этого проекта Пекин, как отмечают эксперты, сумеет контролировать значительную часть природных ресурсов Евразии²². Пристальное внимание привлекают и объемы китайских инвестиций в экономики местных государств. Аналитики склонны видеть в такой стратегии стремление Китая заручиться безусловной поддержкой местных элит, получить гарантии о долговременном партнерстве.

Экономическая политика Пекина в Центральной Азии стала рассматриваться в качестве одной из опор грядущего доминирования. Небезынтересным представляется вывод, который сделали на основе анализа экономических отношений Китая и ЦАР российские ученые С.В. Жуков и О.Б. Резникова. Эксперты считают проекты Пекина настолько перспективными, насколько это возможно для формирования нового макро-региона «Большая Центральная Азия» с центром в Синьцзяне²³. Е.В. Савкович полагает, что уже сейчас со стороны Китая можно наблюдать формирование «Модели трансграничной кооперации «центр» — «периферия»»²⁴. С.Г. Лузянин также говорит о больших перспективах китайского проекта в Центральной Азии. По словам ученого, китайский вариант

региональной интеграции является частью более крупного проекта евразийской глобализации под эгидой Пекина²⁵. Другой известный специалист, Л.Е. Васильев, избегая присущей двум описанным ранее экспертом конкретике, в качестве одной из стратегических целей Китая в Центральной Азии считает «создание предпосылок для возможного усиления китайского влияния в регионе»²⁶. Ф.Д. Хамраев более категоричен и рассуждает о лидерстве Китая в Центральной Азии как о наиболее вероятном сценарии на ближайшее будущее²⁷. Основной проблемой для экспертов является поэтапное фиксирование элементов новой стратегии Пекина, которая представляется по-настоящему комплексной и активной. Также они склонны видеть структуру возможной интеграционной модели с центром в СУАР вертикальной, т.е. подразумевается, что она будет в первую очередь обслуживать интересы Китая.

Даже такого небольшого среза мнений достаточно для того, чтобы сделать вывод о том, что прогнозирование целей внешней политики Китая в ЦАР является сложной задачей. Часть авторов рассуждают об определенных мегапроектах, которые могут стать закономерным результатом китайской экономической активности в регионе. Другие говорят о гипотетическом лидерстве Китая в регионе, выдвигая «интуитивно верные», но в сущности бездоказательные доводы. Примером дискуссии о правомерности доводов в отношении степени экономического влияния Пекина в Центральной Азии может служить спор между экспертами Д. Фоустом, с одной стороны, и А. Петерсеном и Р. Пантуччи — с другой. А. Петерсен и Р. Пантуччи, рассуждая об экономической политике Китая в Кыргызстане, приходят к выводу о его грядущем доминировании в регионе²⁸. Ученые говорят об огромном торгово-экономическом влиянии КНР в Кыргызстане, которое подкреплено инве-

стициями в человеческий капитал в виде программ изучения китайского языка для кыргызских студентов и т.д. В конце концов они приходят к выводу о грядущем лидерстве Пекина в Кыргызстане. Д. Фоуст высказывает противоположные аргументы, называет тезисы Петерсена и Пантуччи умозрительными, не опирающимися на действительность. По его собственным наблюдениям, кыргызы не испытывают на себе реального влияния со стороны Китая, а их потребительский выбор не ограничен китайскими товарами. Эксперт оспаривает и тезис о грядущем культурном влиянии Китая, замечая, что действующая кыргызская элита всецело ориентирована на Россию²⁹.

Описанная дискуссия характеризует проблемы многих работ по Центральной Азии и Китаю. Как было отмечено, многие рассуждения о целях китайской политики в ЦАР заканчиваются абстрактными выводами о лидерстве Китая в будущем. Причем не всегда ясно, о каком конкретно лидерстве идет речь. Не ясно, будет ли оно ограничиваться преимуществами в сфере использования местных природных ресурсов и транспортных артерий или же речь идет о неизбежном культурном, идеологическом и, как следствие, политическом влиянии Пекина.

Сегодня ряд экспертов пытаются расширить представления о китайской политике в Центральной Азии. Это попытки обусловлены стремлением преодолеть одномерность подходов, связанных с оценкой исключительно конкретных действий Пекина. Одну из подобных попыток предприняли американские исследователи М. Лаурэль и С. Пейрус. Они решили сконцентрироваться на оценках роли Китая представителями экспертного сообщества из стран Центральной Азии и использовали опросы общественного мнения местного населения. Важно то, что эксперты отошли от привычного анализа интересов КНР в регионе и ее перспективы с точки зрения интересов самих государств Централь-

ной Азии. Подобный подход позволил экспертам сделать ряд выводов о будущем китайской политики в регионе. Лаурэль и Пейрус констатировали настороженность в экспертных кругах по поводу грядущего усиления Китая. Фактически они говорят о том, что в Центральной Азии политику Пекина рассматривают и как шанс, и как вызов для местных государств, однако ее восприятие в качестве вызова в дальнейшем будет преобладать³⁰. В похожем ключе высказывается китайский ученый Сунь Чжуанчи. Он более категоричен и связывает недостаток политического влияния КНР в регионе с теорией «китайской угрозы», которая достаточно распространена среди местного населения и политической элиты³¹.

Попытку более комплексно рассмотреть дальнейшую эволюцию дальнейшей стратегии Китая в Центральной Азии предпринимает казахстанский ученый К. Сыроежкин. В своей последней работе «Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы» он уделяет внимание внутрикитайскому фактору в процессе формирования Пекином стратегии в отношении ЦАР. Эксперт рассуждает о том, что проблемы развития Китая, в частности проблемы развития западных регионов, могут значительно обостриться. Он констатирует рост недоверия и напряженности в межэтнических отношениях в Синьцзяне, указывает на то, что в случае кризисных явлений на северо-западе КНР Центральная Азия может также погрузиться в пучину нестабильности³². Фактически речь идет о том, что не только Центральная Азия может нести потенциальные угрозы стабильности Китая, но и ситуация в самом Китае способна угрожать государствам региона. Включение фактора внутренней ситуации в Китае в анализ перспектив его стратегии в регионе значительно осложняет прогнозирование и моделирование ситуации, но при этом значительно повышает репрезентативность исследования.

В целом в процессе рассмотрения внешнеполитической стратегии Китая большинство экспертов делают ключевые выводы исходя из его так называемых прагматических интересов. В основном авторы, о чем было упомянуто выше, строят различные прогнозы относительно будущей роли Китая в ЦАР вокруг растущего экономического влияния Пекина, наличия у руководства Компартии амбициозных планов по развитию западных регионов. Подобная вера в абсолютный прагматизм китайской дипломатии, даже опирающаяся на официальные концепции Пекина или труды авторитетных китайских авторов³³, существенно ограничивает поле для размышления. Подъем Китая, ставший особенно впечатляющим на фоне кризиса в западных странах, значительно обострил интерес исследователей к китайской истории и культуре. В связи с этим исключительно важно ознакомиться с позицией тех авторов, которые рассматривают отношения Китая и Центральной Азии в широком историческом контексте.

Тема влияния исторических и культурных факторов на международные отношения современного Китая сегодня обретает известную актуальность. В целом изучение этого очень сложного вопроса можно разделить на две проблемы: роль конкретного исторического наследия на внешнеполитические приоритеты Китая и влияние традиционной философии и культуры на процесс принятия внешнеполитических решений. Сегодня исторический фактор в современных отношениях между КНР и странами ЦАР рассматривается в ограниченном количестве исследований. В основном авторы касаются этого вопроса вскользь. Российский исследователь К.С. Ануфриев фокусируется на исторических сопоставлениях политики Цинской империи и современного Китая в Центральной Азии, однако его выводы касаются в первую очередь перспектив взаимодействия Китая с Россией в регионе³⁴. А.А. Казанцев,

обращаясь к историческим особенностям политики имперского Китая в Центральной Азии, заключает, что китайский проект имеет для региона серьезные ограничения. Ученый приводит исторические факты, на основе которых можно судить об экспансионистской сущности китайской стратегии. Он говорит о том, что негативные воспоминания о взаимодействии с Китаем прочно укоренились в ментальности местного населения³⁵. Такой подход ставит под сомнение успех всевозможных проектов культурного сближения, которые являются неотъемлемой частью китайской дипломатии в Центральной Азии, а также успех китайской политики в этом регионе. Ретроспективный анализ не может дать однозначного ответа относительно того, как ситуация будет развиваться в будущем. Сегодня очень сложно рассуждать о том, насколько историческая память народов Центральной Азии влияет на их внешнеполитическую ориентацию, особенно когда речь идет о сравнительно отдаленных исторических периодах.

Исторический аспект сущности китайской стратегии в регионе также является достаточно сложным для изучения. Как правило, эксперты подходят к анализу внешнеполитической стратегии КНР в Центральной Азии с точки зрения официальных концепций китайской дипломатии³⁶. Н.В. Серебрякова обращается к китайской политике в ЦАР как региональной проекции «теории гармоничного мира»³⁷. В соответствии с таким подходом китайская политика в ЦАР и в теории, и на практике подчинена официальному внешнеполитическому курсу Пекина. Причем «в теории» здесь важнее, чем «на практике», потому что внешняя политика является сложнейшей системой, которая не сводится к следованию заданным идеологемам. Китайские ученые, в частности Чжао Хуашэн, отмечают, что Китай в Центральной Азии действует в соответствии с прагматическими принципами внешней политики,

уважает интересы других стран и не стремится к гегемонии³⁸. Вместе с тем не упоминается, что именно подразумевается под термином «гегемония», «влияние». Есть соображения, что под гегемонией подразумевается та политика, которую стремятся проводить американцы. Вместе с тем нарастающее экономическое влияние Китая в регионе дает возможность предполагать о восстановлении в ближайшем будущем контуров китайского миропорядка. Отмеченное ранее автором стремление Пекина стать экономическим лидером в регионе на практике оборачивается зависимостью местных государств от более сильного партнера. С.Г. Лузянин, рассматривая вариант китайской модели интеграции в ЦАР, пишет о возможной реализации стратегаемы возвращения окраинных земель³⁹. Известный шведский ученый Н. Сванстрем проводит исторические параллели между нынешним взаимодействием Китая и государств Центральной Азии и их отношениями в более ранние периоды истории, в частности в средневековый период. Синолог отмечает, что Китай издавна стремился защититься от варваров с северо-запада. По его рассуждениям, китайцы и в период расцвета Великого Шелкового пути, и в современную эпоху видят в приграничной торговле способ обеспечения национальной безопасности. По логике Сванстрема, нынешняя политика КНР в Центрально-Азиатском регионе в действительности попытка возрождения традиционных торговых маршрутов, которые с развитием морской торговли пришли в упадок⁴⁰.

Особое место в дискуссиях о политике Китая в Центральной Азии занимает вопрос о его сотрудничестве с Россией и перспективах Шанхайской организации сотрудничества. В экспертной среде сложился определенный консенсус относительно стратегического уровня доверия, достигнутого двумя государствами. РФ и КНР поддерживают друг друга в борьбе в вопросах территориальной

целостности, не навязывают друг другу свои системы ценностей и не вмешиваются во внутренние дела. Что касается Центральной Азии, то, по оценкам ученых, выходит, что наиболее успешной сферой взаимодействия КНР и Российской Федерации является сфера поддержания безопасности и стабильности. Чжао Хуашэн отмечает, что Россия и Китай заинтересованы в первую очередь в совместном обеспечении безопасности в регионе. Он ставит на первый план совместную борьбу с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом⁴¹. Л.Е. Васильев делает акцент на том, что общими целями России и Китая в регионе является противодействие влиянию в регионе США⁴². А.А. Казанцев говорит о том, что Китай признает политическое лидерство России в регионе⁴³. Сегодня Центральная Азия является для России одним из важнейших внешнеполитических приоритетов. Особенно очевидно это стало после заявления о создании Евразийского союза. Такой проект будет предполагать, что и в дальнейшем Китай будет признавать лидерство в России. Мало кто сейчас сомневается в том, что китайцы будут претендовать на эксклюзивную сферу интересов России и в дальнейшем. Партнерство двух государств в Центральной Азии является в какой-то степени проекцией их отношений в целом. В.А. Корсун замечает, что отставание экономических отношений от политических, которым свойственна высокая степень доверия, является одной из ключевых особенностей российско-китайского стратегического взаимодействия⁴⁴. Именно по этой причине наибольшие дискуссии на сегодняшний день вызывает вопрос о том, какое значение с точки зрения ключевых интересов РФ в регионе имеет экономическая стратегия Китая.

Расширение экономических и, что особенно важно, энергетических интересов КНР в Центральной Азии, по мнению многочисленных экспертов, является серьезным вызовом для России.

С.Г. Лузянин фактически называет ускоренную маркетизацию ЦАР по китайскому образцу невыгодным для местных государств и России вариантом развития событий⁴⁵. В.В. Парамонов, проводя сравнительный анализ российского и китайского экономического присутствия в Центральной Азии, делает вывод о том, что переход к доминированию Китая в регионе наступит тогда, когда он получит широкий доступ к местным углеводородам⁴⁶. А. Петерсен говорит о проекте газопровода «Центральная Азия — Китай» как о первой потенциальной угрозе энергетическим интересам России в регионе⁴⁷. Китайский эксперт Бобо Ло полагает, что стратегия КНР в регионе ориентирована на достижение целей внутреннего развития только в силу геополитической неуверенности этого государства. В будущем он ожидает усиления влияния Пекина в регионе, подчеркивая вполне вероятный политический аспект сотрудничества в сфере экономики и энергетики⁴⁸. Многочисленные оценки экспертов можно свести к предположению о том, что реализация целей и задач внутреннего развития Китая сама по себе может содержать вызов интересам России в Центральной Азии. Сегодня основная цель Китая — это продолжение модернизации и выравнивание социально-экономического развития внутри страны. Но это вовсе не означает, что стратегия Пекина не будет в перспективе более наступательной.

На сегодняшний день КНР является явным экономическим лидером Шанхайской организации сотрудничества и достаточно уверенно чувствует себя в условиях свободной экономической конкуренции. Китайцам не нужно прилагать усилия по модернизации промышленности и проводить масштабные экономические преобразования, чтобы достигнуть статуса ведущей экономической силы в ЦАР. Вместе с тем Россия, как утверждают сами китайцы, не проявляет большой заинтересованности в региональ-

ной экономической интеграции в рамках ШОС⁴⁹. С. Демиденко отмечает, что уже сейчас Китай скептически настроен относительно межгосударственных организаций, созданных исключительно под эгидой России. Эксперт отмечает отсутствие четко выстроенного диалога между ШОС и ОДКБ⁵⁰. Обилие реинтеграционных проектов, создаваемых под эгидой России, в определенной степени маргинализирует китайские экономические интересы в ЦАР, поскольку Китай в них не представлен. В Пекине, по сути, уже готовы к более тесной интеграции в рамках проекта, но понимают, что у России несколько другие планы относительно ближайшего будущего региона. Таким образом, по мере попыток ускорить интеграцию, Шанхайская организация сотрудничества обнаруживает достаточно ощутимые разногласия среди ее членов. Компонента безопасности ШОС будет сохранять актуальность, особенно в свете новой дестабилизации ситуации в Афганистане, однако экономическая компонента также продолжит возрастать. В этой связи ряд экспертов, в частности Н.В. Серебрякова, рассуждают о возможности реализации проектов разноскоростной интеграции, предполагающих параллельное, но несинхронное развитие двух компонент⁵¹. По мнению А.А. Казанцева, это будет выгодно скорее Китаю, чем России. Используя военно-политический потенциал Москвы, Пекин, делая ставки преимущественно на двухсторонние контакты в регионе, будет спокойно заниматься продвижением собственных экономических интересов⁵². Такая стратегия, по мнению автора, представляется краткосрочной. Сегодня в Китае постепенно приходят к пониманию того, что усилившееся экономическое влияние не является полноценным, будучи не подкрепленным военно-политическими ресурсами. В будущем не исключено появление в Центральной Азии, наряду с американскими и российскими, китайских военных баз,

однако возможностей проецировать силу на большие расстояния у Пекина пока недостаточно.

Дисбаланс в развитии ШОС порождает и более пессимистические прогнозы дальнейших перспектив организации. Американский аналитик А. Кули считает, что у организации в действительности крайне слабый интеграционный потенциал, что стало особенно очевидно на фоне глобального финансового кризиса. Он видит в Китае явного экономического лидера, возможности которого явно превосходят российские⁵³. При всей важности альтернативных проектов интеграции под эгидой РФ, сотрудничество в рамках ШОС необходимо продолжать и развивать. Для этого нужно искать механизмы поиска баланса интересов. В ближайшее время внимание экспертов, видимо, будет приковано к проблеме, какими возможностями РФ располагает для того, чтобы компенсировать грядущее экономическое лидерство Китая в регионе. Например, британский аналитик Д. Босботинис предполагает, что Россия, на фоне усиления КНР в Центральной Азии, могла бы интенсифицировать связи с Индией⁵⁴.

Сегодня абсолютно не ясно, способно ли экономическое влияние Китая в Центральной Азии перейти со временем в политическое. Как ранее было отмечено автором, у аналитиков есть достаточно серьезные разногласия относительно такой перспективы. Ряд западных авторов полагают, что Китай добился серьезных успехов на пути продвижения собственной «мягкой силы» в регионе, однако другие эксперты оспаривают эти доводы. К.С. Сыроежкин полагает, что у Казахстана больше общего с Россией, нежели с Китаем, и в своей политике он должен ориентироваться именно на нашу страну⁵⁵. К таким же выводам приходят европейские исследователи М. Лаурэль и С. Пейрус. На основе проведенных экспертных опросов и замеров общественного мнения в республиках

ЦАР они приходят к выводу о том, что эти государства в большей степени связывают свое будущее с Россией, нежели с Китаем⁵⁶.

По мнению автора, особого внимания заслуживает вопрос о взаимодействии с Китаем в контексте проекта Евразийского союза, предложенного Президентом РФ В.В. Путиным. Евразийский союз — это, пожалуй, самый масштабный реинтеграционный план России на постсоветском пространстве со времен распада СССР. Государства Центральной Азии играют важную роль в реализации этого плана. Сегодня исключительно важно понять, каким образом будущий союз будет сосуществовать с китайской стратегией в регионе. В конце 2011 г. на страницах специализированного портала www.ceasia.ru состоялась виртуальная дискуссия экспертов по теме «Евразийская интеграция и Китай». В дискуссии приняли участие такие известные специалисты, как В.В. Парамонов, А.А. Куртов, М.Т. Лаумилин, Г.И. Чуфрин, К.П. Боришполец, Г. Юлдашева. В ходе дискуссии были высказаны различные мнения относительно того, какое влияние китайская политика в Центральной Азии может оказать на перспективы формирования Евразийского союза. Преобладающей в результате стала точка зрения о том, что Китай выступает в роли экономического лидера региона, и его позиции будут только укрепляться. Перспективы Евразийского союза оценивались в этой связи неоднозначно: с одной стороны, отмечалось, что эта инициатива гипотетически способна усилить позиции России в регионе, с другой — что в условиях активно формирующейся модели экономических отношений России и стран ЦАР с Китаем первым будет уготована роль сырьевых придатков китайской экономики.

В качестве итогов стоит отметить, что на сегодняшний день комплексное представление о стратегическом курсе Китае в Центральной Азии находится в процессе

формирования. Эксперты отмечают высокую экономическую активность Пекина в регионе, однако не дают однозначных оценок касательно возможности ее трансформации в полноценное политическое влияние. Вместе с тем практически единодушно признается, что Китай является одним из претендентов на то, чтобы стать одним из ведущих внешних акторов на пространстве ЦАР. Особую роль в реализации китайских проектов в Центральной Азии ученые отводят Синьцзян-Уйгурскому АР. Планы по всестороннему развитию западных провинций весьма хорошо сочетаются с экономическими интересами Пекина в соседнем регионе. Последние инициативы Китая подтверждают известный тезис о единстве задач внутренней и внешней политики. Подъем отстающих провинций будет способствовать более сбалансированному национальному хозяйству и обеспечит КНР создание плацдарма на пути использования богатых ресурсов Центральной Евразии.

Истинные цели внешнеполитической стратегии Китая в регионе во многом остаются загадкой для аналитиков. Выдвигается множество версий, большая часть которых не имеет под собой достаточной доказательной базы. Причина возникающих у экспертов сложностей в первую очередь обусловлена закрытостью процесса принятия решений в Пекине. Наиболее распространенной версией остается гипотеза о том, что Китай продолжит опираться на геоэкономические инструменты, избегая рискованных шагов и демонстрации силы. Позиция, согласно которой КНР все-таки будет делать ставку на военно-политическую компоненту в обозримой перспективе, пока признается наименее вероятной.

Перспективы успешного использования Китаем инструментов мягкой силы также весьма неоднозначны. Ученые отмечают привлекательность китайских программ культурного сотрудничества, но высказывают сомнения относительно того, позволят ли они Пекину укрепить свое влияние в регионе. По мнению специалистов, важнейшие конкурентные преимущества Китая в течение ближайших нескольких лет будут, как и сегодня, всецело лежать в сфере экономики.

С точки зрения стратегических интересов России китайская стратегия в Центральной Азии чаще всего расценивается как вызов. Идея о Евразийском союзе освидетельствовала расхождение в российском и китайском взглядах на будущее Центральной Азии. Эксперты полагают, что Пекин обладает более эффективной стратегией в этом регионе, нежели Россия. Большинство специалистов приходят к мнению, что в отношениях РФ и КНР в Центральной Азии будут сочетаться элементы сотрудничества и конкуренции с нарастающей долей последней. ШОС в обозримом будущем, скорее всего, не превратится в полноценную интеграционную структуру.

На сегодняшний день китайская политика в Центральной Азии нуждается в более комплексном, системном изучении. Для формирования целостного представления о ней необходимо учитывать аспекты глобальной стратегии Пекина, уделить пристальное внимание историческому наследию. В ближайшие годы влияние Китая в регионе, по всей видимости, будет нарастать, поэтому запрос на формирование системного подхода к изучению его политики в ЦАР будет только возрастать.

¹ Корсун В.А. Внешнеполитический механизм с китайской спецификой // Внешнеполитический процесс в странах Востока : науч. изд. / под ред. Д.В. Стрельцова. М. : Аспект Пресс, 2011. С. 248. [Korsun V.A. Vneshnepoliticheskij mekhanizm s kitajskoj spetsifikoj // Vneshnepoliticheskij protsess v stranakh Vostoka: nauch. Izd. / ed. by D.V. Streltsov. M. : Aspekt Press, 2011. P. 248]

² Лузянин С.Г. Внешняя политика Китая до 2020 года. Прогностический дискурс // Перспективы [Электронный ресурс]. Электрон. журн. 29.11.2011. URL: <http://perspektivy.org>. [Luzyanin S.G.]

- Vneshnaya politika Kitaya do 2020 goda. Prognosticheskij diskurs. // Perspektivy [Elektronnyj resurs]. Elektron. zhurn. 2011. 29 noyabrya. URL: <http://perspektivy.org>
- 3 Бобо Ло. Постоянная перезагрузка Китая // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. Электрон. журн. 23.10.2010. URL: www.globalaffairs.ru. [Bobo Lo Postoyannaya perezarguzka Kitaya // Rossiya v global'noj politike. [Elektronnyj resurs]. Elektron. zhurn. 2010. 23. Oktyabrya URL: www.globalaffairs.ru]
  - 4 Салицкий А.И. Полицентризм и новая биполярность современного мира: возможности для национальных государств // Новое восточное обозрение [Электронный ресурс]. Электрон. журн. 12.04.2012. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/15336>. Salitskiy A.I. [Politsentrizm i novaya bipolyarnost' sovremennogo mira: vozmozhnosti dlya natsional'nykh gosudarstv. // Novoe vostochnoe obozrenie [Elektronnyj resurs]. Elektron. zhurn. 2012. 12 apr. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/15336>]
  - 5 Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы [Электрон. журн.]. 2010. Сентябрь — декабрь. URL: <http://intertrends.ru/twenty-sixth/004.htm>. Shakleina T.A. [Velikie derzhavi i regional'nye podsistemy // Mezhdunarodnye protsessy. [Elektron. zhurn.]. 2010. Sentyabr' — dekabr'. URL: <http://intertrends.ru/twenty-sixth/004.htm>]
  - 6 Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: Мировая политика и Центральная Азия. М. : Фонд «Наследие Евразии», 2008. С. 34. [Kazantsev A.A. "Bol'shaya igra" s neizvestnymi pravilami: Mirovaya politika i Tsentral'naya Aziya. М. : Fond "Nasledie Evrazii", 2008. P. 34]
  - 7 Бондаренко А.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI века М. : ИДВ РАН, 2010. С. 12. [Bondarenko A.V. Sin'tsyan-Ujgurskiy VTONOMNYJ RAJON Kitaya v nachale XXI veka. М. : IDV RAN, 2010. P. 12]
  - 8 Zhao Huasheng. Central Asia in China's diplomacy / Huasheng Zhao // Central Asia: Views from Moscow, Washington and Beijing. New York, P. 137–215.
  - 9 Парамонов В., Столповский О. Интересы безопасности Китая в Центральной Азии. Информационно-аналитический доклад., 2008. С. 7. [Paramonov V., Stolpovskij O. Interesy bezopasnosti Kitaya v Tsentral'noj Azii. Informatsionno-analiticheskij doklad. 2008. P. 7]
  - 10 Feigenbaum E.A. Central Asia Contingencies // Managing instability on China's periphery: New York. Council on foreign relations. 2011. P. 67.
  - 11 Swanstrom N. Traditional and Non-Traditional Security Threats in Central Asia: Connecting the New and the Old / N. Swanstrom // China and Eurasia Forum [Electronic source]. Electronic data. Volume 8, No. 2 (2010) pp. 35–51. Mode access: <http://www.chinaeurasia.org>
  - 12 Карин Е. Нарастание внутренней нестабильности в Центральной Азии может привести к ослаблению системы национальной и региональной безопасности // Информационно-аналитический центр [Электронный ресурс]. Электрон. журн. 23.08.2011. URL: <http://www.ia-centr.ru> [Karin E. Narastanie vnutrennij nestabil'nosti v Tsentral'noj Azii mozhet privesti k oslableniju sistemi natsional'noj i regional'noj bezopasnosti // Informatsionno-analiticheskij tsentr. [Elektronnyj resurs]. Elektron. zhurn. 2011. 23 avg. URL: <http://www.ia-centr.ru>]
  - 13 Сюн Гуанкай. Всеобъемлющая концепция национальной безопасности Китая // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. Электрон. журн. 07.06.2009. URL: www.globalaffairs.ru. [Syun Guankai. Vseob'emlyuschaya kontseptsiya natsional'noj bezopasnosti Kitaya // Rossiya v global'noj politike. [Elektronnyj resurs]. Elektron. zhurn. 2009. 7 iyunya. URL: www.globalaffairs.ru]
  - 14 Центральная Азия. Геополитика и экономика региона. М. : Красная звезда, 2010. С. 161. [Tsentral'naya Aziya. Geopolitika i ekonomika regiona. М. : Krasnaya zvezda, 2010. P. 161]
  - 15 Бондаренко А.В. Там же. С. 2. [Bondarenko A.V. Ibid. P. 2]
  - 16 Zhao Huasheng. Ibid. P. 147.
  - 17 Бондаренко А.В. Указ. соч. С. 53. [Bondarenko A.V. Ibid. P. 53]
  - 18 Казанцев А.А. Указ. соч. С. 269. [Kazantsev A.A. Ibid. P. 269]
  - 19 Куртов А.А. Победа без столкновения // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. Электрон. журн. 20.07.2008. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11150. [Kurtov A.A. Pobeda bez stolknoveniya // Rossiya v global'noj politike. [Elektronnyj resurs]. Elektron. zhurn. 2008. 20 iyulya. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11150]
  - 20 Петерсен А. Россия, Китай и энергетическая геополитика в Центральной Азии / Александр Петерсен при участии Катинки Барыш. М. : Центр европейских реформ, Московский центр Карнеги, 2012. [Petersen A. Rossiya, Kitaj i energeticheskaya geopolitika v Tsentral'noj Azii / Aleksanros Petersen pri uchastii Katinki Barysh. М. : Centr evropejskikh reform; Moscovskij tsentr Karnegi, 2012]
  - 21 Лузянин С.Г. Внешняя политика Китая до 2020 года. Прогностический дискурс // Перспективы [Электронный ресурс]. Электрон. журн. 29.11.2011. URL: <http://perspektivy.org>. [Luzyanin S.G.

- Vneshnaya politika Kitaya do 2020 goda. Prognosticheskij diskurs. // Perspektivy [Elektronnyj resurs]. Elektron. zhurn. 29.11.2011. URL: <http://perspektivy.org>
- ²² Каплан Р. География китайской мощи // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. Электрон. журн. 07.08.2010. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Geografiya-kitaiskoi-moschi-14959>. [Kaplan R. Geografiya kitajskoj moschi. // Rossiya v global'noj politike. [Elektronnyj resurs]. Elektron. zhurn. 07.08.2010. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Geografiya-kitaiskoi-moschi-14959>]
- ²³ Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации. М. : ИМЭМО РАН, 2009. [Zhukov S.V., Reznikova O.B. Tsentralnaya Aziya I Kitaj: ekonomicheskoe vzaimodejstvie v uslovijakh globalizatsii. М. : IMEMO RAN, 2009]
- ²⁴ Савкович Е.В. Новые направления взаимодействия КНР и стран Центральной Азии в конце первого десятилетия 2000-х гг. // Сравнительная политика. 2011. № 4. С. 75–89. [Savkovich E.V. Novye napravleniya vzaimodejstviya KNR I stran Tsentralnoj Azii v kontse pervogo desyatitiletiya 2000-h gg. // Sravnitel'naya politika. 2011. № 4. P. 75–89]
- ²⁵ Лузянин С.Г. ШОС как прообраз регионального интеграционного объединения в области экономики и безопасности // Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс М. : МГИМО (Университет), 2010. С. 334. [Luzyanin S.G. SHOS kak proobraz regional'nogo integratsionnogo ob'edineniya v oblasti ekonomiki I bezopasnosti // Bolshaya Vostochnaya Aziya: mirovaya politika I regionalnye transformatsii: nauchno-obrazovatel'nyj kompleks. М. : МГИМО-Университет, 2010. P. 334]
- ²⁶ Васильев Л.Е. Политика мировых держав в Центральной Азии и ее влияние на перспективы развития ШОС // Мировые державы в Центральной Азии / сост. Л.Е. Васильев. М. : ИДВ РАН, 2011. С. 20. [Vasil'ev L.E. Politika mirovykh derzhav v Tsentral'noj Azii I ee vliyanie na perspektivy razvitiya SHOS // Mirovye derzhavy v Tsentral'noj Azii / ed. by L.E. Vasil'ev. М.: IDV RAN, 2011. P. 20]
- ²⁷ Хамраев Ф.М. Особенности стратегии Китая в Центральной Азии: трансформация и обновление // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XV: ежегодное издание / отв. ред., сост. Е.И. Сафронова. ИДВ РАН, 2010. С. 78. [Khamraev F.M. Osobennosti strategii Kitaya v Tsentral'noj Azii: transformatsiya i obnovenije // Kitaj v mirovoj I regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'. Вып. XV: ezhegodnoe izdanie / ed. by E.I. Safronova. IDV RAN, 2010. P. 78]
- ²⁸ China is the power of the future in Central Asia // Registan. [Electronic source]. Electronic data. Mode access: <http://www.registan.net>
- ²⁹ Foust J. Is China trying to take over in Central Asia? / J. Foust // The Atlantic. [Electronic source]. Electronic data. Mode access: <http://www.theatlantic.net>
- ³⁰ Laurelle M., Peyrouse S. China as a neighbor: Central Asian Perspectives and Strategies / M. Laurelle, S. Peyrouse. Central Asia-Caucasus Institute & Silk road studies Program, 2009. P. 170.
- ³¹ Цит. по: China Analysis: The new Great Game in Central Asia // European Council on Foreign Relations [Electronic source]. Electronic data. Mode access: http://ecfr.eu/content/entry/china_analysis_the_new_great_game_in_central_asia
- ³² Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы / под общ. ред. К.Л. Сыроежкина. Алматы : КИСИ при Президенте РК, 2011. С. 321. [Tsentral'naya Aziya segodnya: vyzovy i ugrozy / ed. by K.L. Syroezhkin. Almaty: KISI pri Prezidente RK, 2011. P. 321]
- ³³ Zhao Huasheng. Ibid. P. 157.
- ³⁴ Ануфриев К.С. Политика России и Китая в Центральной Азии: опыт сравнительно-исторического анализа : автореф. дис. ... к.и.н. Томск, 2010. [Anufriev K.S. Politika Rossii I Kitaya v Tsentral'noj Azii: opyt sravnitel'no-istoricheskogo analiza. Avtoref. Diss. Na soiskanie uch. Stepeni kand. Ist. Nauk. Tomsk, 2010]
- ³⁵ Казанцев А.А. Указ. соч. С. 226. [Kazantsev A.A. Ibid. P. 226]
- ³⁶ Каукунов А.С. Особенности китайской дипломатии в Центральной Азии: взгляд из Казахстана // Центральная Азия — Китай: состояние и перспективы сотрудничества. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2008. С. 83. [Kaukenov A.S. Osobennosti kitajskoj diplomatii v Tsentral'noj Azii: vzglyad iz Kazakhstana // Tsentral'naya Aziya Kitaj: sostoyanie I perspektivy sotrudnichestva. Almaty: Kazakhstanskij institute strategicheskikh issledovanij pri Prezidente Respubliki Kazakhstan, 2008. P. 83]
- ³⁷ Серебрякова Н.В. Шанхайская организация сотрудничества: многосторонний компромисс в Центральной Азии. М. : Инфорос, 2011. [Serebryakova N.V. Shankhajskaaya organizatsiya sotrudnichestva: mnogostoronnij kompromiss v Tsentral'noj Azii. М. : Inforos, 2011]
- ³⁸ Zhao Huasheng, Ibid. P. 164.
- ³⁹ Лузянин С.Г. Указ. соч. С. 334. [Luzyanin S.G. Op.cit. P. 334]

- ⁴⁰ Swanstrom N. China and greater Central Asia: New frontiers? // Central Asia Caucasus institute & Silk road studies program, 2011. P. 19.
- ⁴¹ Zhao Huasheng. Ibid. P. 181.
- ⁴² Васильев Л.Е. Там же. С. 22. [Vasil'ev L.E. Ibid. P. 22]
- ⁴³ Казанцев А.А. Там же. С. 252. [Kazantsev A.A. Ibid, P. 252]
- ⁴⁴ Корсун В.А. Указ. соч. С. 277. [Korsun V.A. Op. cit. P. 277]
- ⁴⁵ Лузянин С.Г. Указ. соч. С. 334. [Luzyanin S.G. Op.cit. P. 334]
- ⁴⁶ Парамонов В.В., Строчков А.В., Столповский О.А. Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность / под общ. ред. Парамонова В.В. Бишкек, 2008. С. 182. [Paramonov V.V., Strokov A.V., Stolpovskij O.A. Rossiya i Kitaj v Tsentral'noj Azii: politika, ekonomika, bezopasnost' / ed. by V.V. Paramonov. Bishkek: 2008. P. 182]
- ⁴⁷ Петерсен А. Россия, Китай и энергетическая геополитика в Центральной Азии / Александрос Петерсен при участии Катинки Барыш; Центр европейских реформ; Московский центр Карнеги. М., 2012. [Petersen A. Rossiya, Kitaj i energeticheskaya geopolitika v Tsentral'noj Azii / Aleksanros Petersen pri uchastii Katinki Barysh. M.: Centr evropejskikh reform; Moscovskij tsentr Karnegi, 2012]
- ⁴⁸ Бобо Ло. Указ. соч. [Bobo Lo, Op. cit.]
- ⁴⁹ Цит. по: Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая // Проблемы национальной стратегии [Электронный ресурс]. Электрон. журн. 2012. № 1. URL: http://www.riss.ru/archiv_zhurnala/?analyticsId=134. [Strany SNG i Baltii v global'noj politike Kitaya // Problemy natsional'noj strategii [Elektronnyj resurs]. Elektron. zhurn. 2012. № 1. URL: http://www.riss.ru/archiv_zhurnala/?analyticsId=134]
- ⁵⁰ Демиденко С. Там же. [Demidenko S. Op. cit.]
- ⁵¹ Серебрякова Н.В. Там же. С. 58. [Serebryakova N.V. Op. cit. P. 58]
- ⁵² Казанцев А.А. Там же/ С. 252. [Kazantsev A.A. Op. cit. P. 252]
- ⁵³ Cooley A. Cooperation gets shanghaied. Foreign Affairs. [Electronic resource]. Electronic data. 2009. 14 December. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/65724/alexander-cooley/cooperation-gets-shanghaied>
- ⁵⁴ Bosbotinis J. Sustaining the Dragon, Dodging the Eagle and Barring the Bear? Accessing the role and importance of Central Asia in Chinese national strategy // China and Eurasia Forum Quarterly. 2010 (Spring). Vol. 8. No.1. P. 73–94.
- ⁵⁵ Сыроежкин К.С. Указ. соч. С. 321. [Syroezhkin K.S. Ibid. P. 321]
- ⁵⁶ Лаурэль М., Пейрус С. Вынужденная дружба // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. Электрон. журн. 07.08.2010. URL: www.globalaffairs.ru. [Laruel' M., Pejrus S. Vynuzhdenная družba // Rossiya v global'noj politike. [Elektronnyj resurs]. Elektron. zhurn. 07.08.2010. URL: www.globalaffairs.ru]